

Трудные годы большой жизни

11 апреля 1945 года заключенные лагеря смерти в Бухенвальде подняли восстание против своих палачей и вышли на волю. В честь этого события учрежден Международный день освобождения узников фашистских концлагерей.

В нашем городе живут люди, чья судьба несет в себе годы войны и плена, и в их числе – малолетние узники нацистов. Сегодня мы публикуем рассказ Нины Михайловны Хоменко. Она родилась в деревне Покровской и всю жизнь прожила в наших краях. Этой чудесной женщине уже очень много лет, она улыбочива и добра, всё прекрасно помнит, а рассказывает так, что заслушаешься. Мы печатаем рассказ Нины Михайловны практически без изменений.

- Мы жили в Покровке напротив Гамболовского проезда. Дом у нас был большой, но потом сгорел, папа умер, и из обломков собрали, что смогли: кухню, комнатку. Рядом с домом рос сад с яблонями, с вишнями. Как-то раз мама варила вишневое варенье в кастрюле на примусе, а работники стелили пол и вдруг уронили доски. Кастрюля с кипящим вареньем опрокинулась мне на колени. Все забегали, схватили меня, завернули в тряпки и сразу в больницу в Коммунар, она тогда стояла в Васиной деревне. Там меня перевязали, а домой отнесли на плечах. Я еще в школу не ходила. Мама работала медсестрой в роддоме, который стоял на берегу Ижоры. Мы жили очень бедно, было нас три сестры и брат. Немцы пришли в Покровку со стороны Павловска, тогда он назывался Слуцк. Немцев мы очень боялись. Они заставили девчонок работать на плитомне. Взрывали землю на горке (где потом было овощехранилище) за речкой (она была когда-то широкая, я в ней купалась), мы, девочки, грузили ее в вагонетки

и отвозили в сторону. Так освобождался ценный камень, который немцы ломали и увозили в Германию. Красивый камень, как сахар, расколешь – горит огнем. При взрывах мы прятались в укрытие, а надзирал за нами немец с плеткой: «Бабка, работай!». Давали паек – хлеб с опилками, немного крупы. Мы получали паек в доме с четырьмя окнами, из каждого окна чего-то по чуть-чуть. Правда, был один добрый человек, работал поваром. Слева от нашего дома находилась одна немецкая кухня, а справа – другая. Тот повар, что слева, все остатки пищи выбрасывал, а тот, что справа – нас подкармливал. Придут ребяташки к нему, а он всем-всем половник супа нальет. Этот повар немного говорил по-русски, приносил нам хлеба, картошки. Моя сестра Настя стирала и гладила его белье, он был очень доволен. Говорил Насте: поезжай в Германию, вот тебе адрес моей семьи. Когда ее действительно в Германию угнали, через этого повара шла наша переписка.

Как-то слышим – летит наш самолет, по гулу распознали. Выбежали на улицу, а он начал стрелять. Сестру и мать ранило. Немцы увезли их в Гатчину лечить. Сестре отняли ногу. Помню, я и Настя забирали ее домой, когда поправилась. Привезли на саночках. Потом нашли костыли, даже чужой протез в Антропшине взяли. И протез подошел. Сестра и цыганочку научилась танцевать с этим протезом, играла на гитаре, пела – веселая была! Мама тоже вернулась домой из больницы.

Так и жили. Потом немцы приказали собираться в дорогу. Собрали узелки – ничего ведь не было, бедность – и на Комсомоле посадили в товарный вагон всех жителей деревни.

Поехали. Перед Лугой с железнодорожных насыпей нас обстреляли партизаны, ранило покровского почтальона. Женщину высадили в Луге, и больше мы ее не видели. Во Пскове нас разделили: молодежь (и мою сестру) отправили в Германию, а остальных – в Латвию. Приехали ночью. Высадились в лесу. На лошадях нас перевезли в лесной лагерь, посадили в клетки (из-под свиней, наверное), там мы пробыли двое суток. Потом стали приезжать латвийские хозяева с хуторов, выбирать себе работников. Нас – маму, меня и сестру с протезом – взял один хозяин. Он учился в России, хорошо говорил по-русски. Привез нас на хутор, дал комнату на втором этаже. У него было большое хозяйство: много коров, двор, огород. Мы доили и пасли коров, работали на огороде, другую работу выполняли. Хозяин был очень хороший, добрый. Кормил хорошо, буфет с продуктами не закрывал, мы, ребяташки, всегда могли взять кусок хлеба с маслом. А вот старшая рабочая у него, латгалка, была злобная, все на нас хозяйину наговаривала, только он ей не верил.

Однажды слышим крик с соседнего хутора. Там в работницах жила наша покровская Зина с двумя детьми. Хозяин говорит:

- Беги, Нина, узнай, в чем дело, чем помочь?

Зина встречалась с русским военнопленным. Немецкие солдаты проходили мимо хутора, увидели пленного в сарае и застрелили его. Я видела тело в дверях сарая. Зину потом тоже куда-то увели, и она не вернулась. А двоих ребяташек, мальчика и девочку, взял к себе наш хозяин. После войны они вернулись в Покровку.

Ближе к концу войны немцы стали отбирать у хозяев коров. Набрали целое стадо и заставили нас, молодых, гнать его к морю. Впереди на лошади немец, за ним стадо и мы, восемь ребят. Гнали так день, два. На вторую ночь решили убежать – боялись, что в Германию пошлют. Договорились вчетвером дежурить ночью. Когда коров загнали в лесной загон на ночевку, мы, три девчонки и Петька, сын Зины, вышли на дорогу и обочиной пошли обратно, на хутор. Темно, страшно – а идем. Много страху натерпелись и от попугачиков, и от проезжавших мотоциклов, машин с немцами. А в одном месте наткнулись на убитую лошадь в луже крови. Под конец пути встретилась латышка на худой лошаденке. Она подвезла нас до своего хутора, а там уж мы добежали до дома. Хозяин меня увидел, обнял, сказал, что правильно сделали, что убежали.

Вот живем, работаем, пасем скотину. Как-то пошли с Петькой доить корову и поить ее теленка, они неподалеку в лесу были привязаны. Вдруг свист из кустов. Стоят двое мужчин, манят нас рукой. Это были наши летчики, их самолет сбили, и они скрывались. Один родом из Ленинграда, другой – с Волхова.

- Ребята, где немцы?

- Были в райцентре, а где теперь – не знаем.

- А как бы нам узнать?

- Мы завтра утром сходим, узнаем и вам скажем. А вы ведь есть хотите. Мы принесем!

И мы с Петькой побежали на хутор, налили в банку молока, взяли хлеба, шесть котлет из погребца, положили все в ведро и тряпкой прикрыли. Пришли на место – а летчиков нет. Потом откликнулись, вышли. Мы с радостью накормили их и вернулись домой. А хозяин нас караулит:

- Нина, куда вы ходили?

Мы – головы вниз, все рассказали хозяину. А он:

- Почему мне не сказали? Что это – три котлеты голодному мужчине? Я дал бы больше. В другой раз все говорите мне, я сам буду решения принимать.

Наутро мы прибежали к лесу, но летчиков уже не увидели. Они ушли. Долго потом мне хотелось разыскать этих людей, но как? Фамилий не узнали...

Война шла к концу, немцы нервничали. Стали нас отбирать у хозяев, угонять с собой в отступление. Пригнали в Тукумс, поселили в каком-то доме. Там жили. Потом слышим – война кончилась. Стали нас отправлять в Россию. Посадили в товарный вагон без крыши, довели до Антропшина, высадили. Вылезли мы черные, как негры, от паровозного дыма.

С горки на горку – и дома. А дома нашего и нет! Соседка пустила в свою баню, как-то пережили некоторое время.

Брат мой вернулся с фронта, женился, работал на бумажной фабрике «Коммунар». Он поговорил с начальником отдела кадров (наш покровский, на фронте горел в танке, следы остались), и сестру взяли на работу в цех кальки, а меня – на каландры. Дали комнатку, стали мы жить и работать. Потом сестра из Германии вернулась. Работали мы на фабрике хорошо, без прогулов и замечаний. У меня есть медали за хорошую работу. Жилье меняли, улучшали – пять раз переезжали.

Иногда думаю: как мы выросли в бедности, трудностях, страхе, недоедании, потом в неустанной работе – и дожили до старости? Правда, удивительно? Но я всегда улыбаюсь. Не могу не улыбаться. Всегда озорная была, веселая. Дочку вырастила, внуков и правнуков нянчила. Теперь они обо мне заботятся!

Беседовала Н.Гревцова

Опубликовано в газете «Комминфо», 2016 год, апрель